

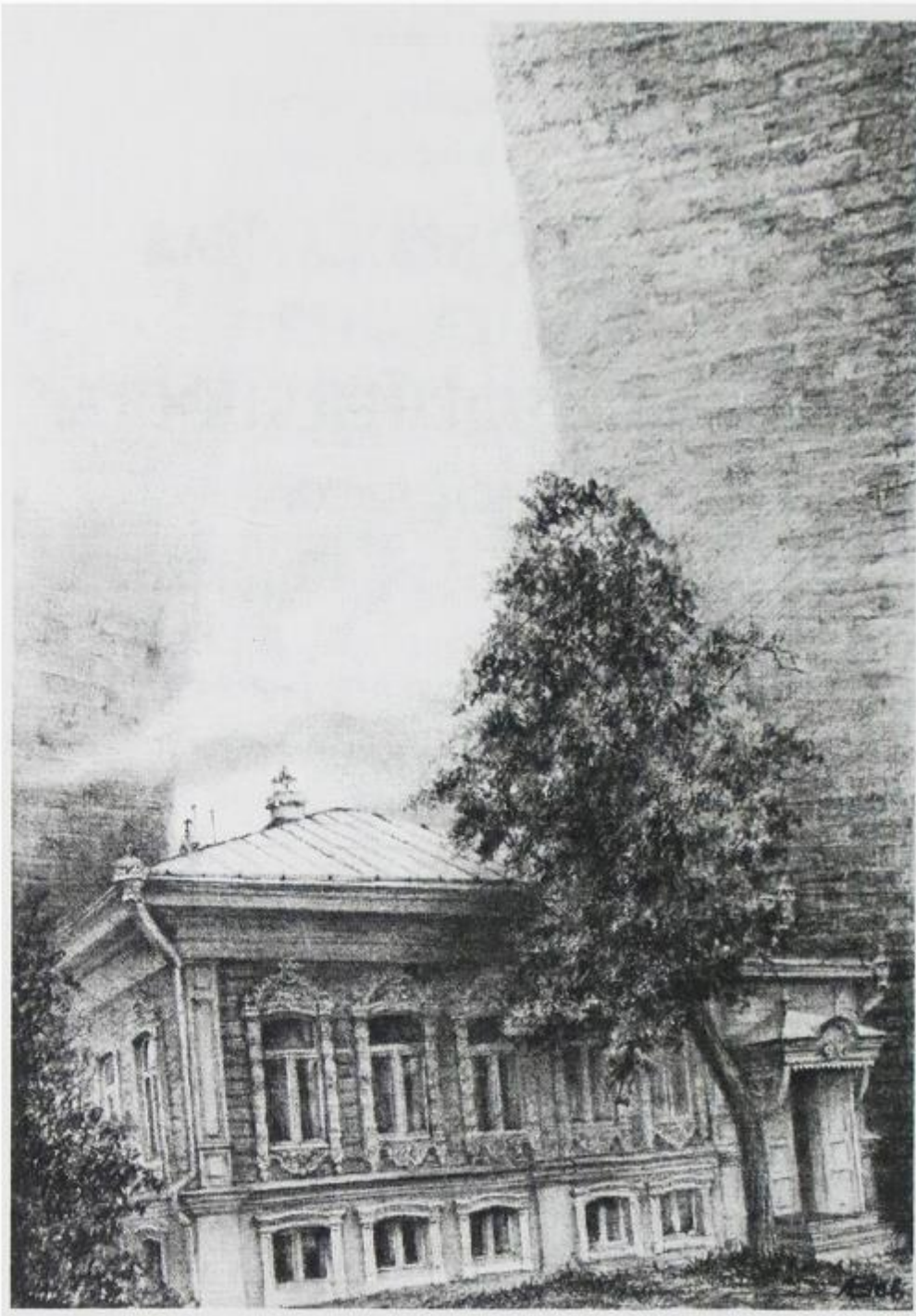
Эдит
Уайтхилл
КЛЮС

ВООБРАЖАЕМАЯ ГЕОГРАФИЯ И ИДЕНТИЧНОСТЬ: американский и русский варианты

В статье профессора Университета штата Вирджиния (США) Эдит Уайтхилл Ключ на языке понятий и терминов воображаемой географии сопоставляются два типа территориальной идентичности: американской и русской.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: воображаемая география, идентичность, географические образы, геокультурные понятия, центр, периферия, граница.

Что значит «идентичность»? И какую роль играет географическое пространство в формировании идентичности? В США, например, многие регионы определяются не чисто географически, а психологически — с определенной точки зрения. Эти регионы ассоциируются с известным общественным и политическим менталитетом жителей. Так, два региона США — Новая Англия и Средний Запад — определяются тем, что можно обозначить «воображаемой географией». Эти территории не были созданы такими, ведь все, что там было изначально, — это леса, холмы, реки и пр. Не было никаких названий. Регионы так названы заселившими их европейцами. Новая Англия мало в чем похожа на Англию, а Средний Запад находится не на западе США, а в северо-восточной части. Эти регионы так называемого американского севера ассоциируются с идеологически прогрессивными общественными ценностями. Оба региона символизируют право всех на образование и веру в возможность каждого американца, несмотря на пол, религию и расу, стремиться к лучшему в себе и осуществить личный потенциал, достигнуть в своей жизни материального успеха и нравственной цельности трудом и моральным самосовершенствованием.

А. Ердяков. УХОДЯЩАЯ ТЮМЕНЬ. 2006

Итак, что такое «идентичность» и почему стоит уделять ей столько внимания? Это самопонимание, причисление самого себя к одной или другой группе людей; это определение себя и своих ценностей по отношению к другим людям. Как пишет Сэмюэл Хантингтон (известный профессор Гарвардского университета) в книге «Who Are We? The Challenges to America's National Identity» [2004] (Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2008), «Identity is an individual's or a group's sense of self. It is a product of self-consciousness, that I or we possess distinct qualities as an entity that differentiates me from you and us from

them» [Huntington 2004: 21]. Идентичность формируется, она не урожденная, она строится сознательно, на взгляд С. Хантингтона. Хотя человек родился с определенными генетическими, языковыми, социоэкономическими чертами, у него образовывается идентичность через сугубо самосознательный процесс, через осознание самого себя как такого и не другого [Ibid: 21]. Это «воображаемая личность» [Ibid: 22]. Она формируется под влиянием людей разного рода. Идентичность нельзя игнорировать, потому что она играет неоспоримую роль в выборе поведения и принятии решений, как и в формировании культурно, экономически или политически влиятельных группировок.

Нужно добавить к этому, что, как бы она ни была сконструирована, традиционно различают «эссенциалистскую» и «конструктивистскую» идентичность [Clowes 2011: 166]. Эссенциалистскую идентичность можно обосновать исходя из претензии на первобытность — генеалогически биологическую, историческую или лингвистическую. А конструктивистская основывается на общественных понятиях, например о равноправии в правовом государстве. Не важно, какого происхождения человек: все граждане пользуются теми же правами и льготами.

Какую роль играет география в понятиях об идентичности? Когда мы определяем для себя место, где мы живем, мы очерчиваем территорию, которую называем «родиной» или «домом», и все, что расположено за этой вымышленной границей, мы считаем «не нашей» или «заграничной» зоной, где живут чужие, или «не-мы». Это самый примитивный пример того, что я называю «воображаемой географией» [Clowes 2011: 2-4]. Этот термин происходит от двух коренных понятий 1970-х гг. — «воображаемое сообщество» (imagined community) Бенедикта Андерсона и «художественная география» (imaginative geography) Эдварда Саида. В своей известной книге «Orientalism» Эдвард Саид ввел термин «художественная география». Он хотел обратить внимание на то, как европейские писатели и художники изображали экзотические исламские земли и культуры так называемого Среднего Востока для того, чтобы отграничить от него Запад, т. е. Европу, и оправдать первенство Запада над колонизированным миром. Понятие «воображаемая география» сосредоточивается на том, как люди, в том числе художники и писатели, выражают собственную идентичность путем географических образов и творят художественными образами пространства ощущение национальной личности. Особенно после конца Советского Союза, когда, по известной формуле Фрэнсиса Фукуямы, якобы «кончилась история», т. е. значительно уменьшились «просвещенческие» надежды на исторический, общественный прогресс, на так называемое «светлое будущее» и на совершенствование человеческой природы, стал преобладать географический аспект самопонимания над многими другими аспектами, особенно над временным аспектом. На вопрос «кто я?» отвечают, когда отвечают на вопрос «где я?».

Совсем коротко можно иллюстрировать этот «водораздел» в восприятии через новые слова российского гимна, которые подчеркивают именно географическое величие и разнообразие российской территории (географические образы выделяются полужирным курсивом):

От южных морей до полярного края

Раскинулись наши леса и поля.

Одна ты на свете! Одна ты такая —

Хранимая Богом родная земля!

Широкий простор для мечты и для жизни

Грядущие нам открывают года.

Нам силу дает наша верность Отчизне.

Так было, так есть и так будет всегда!

Из всех гимнов последних двух столетий — царских ли, советских ли — один этот «путинский» гимн сосредоточивается на географии самой страны и природных ориентирах России. Новейший российский гимн впервые в русской истории изображает родину в ее пространственном аспекте. В наше время в США, как и в России, люди меньше заинтересованы исто-

рией и течением времени, чем местом, в котором они себя воспринимают, которому, как им кажется, они «принадлежат».

Последний вопрос, который нас интересует, когда приступаем к размышлениям об американской и русской идентичности, заключается в следующем: какую роль в русской и американской идентичности играют регионы? Как пишут Кейтон и Грей, историки американского Среднего Запада, «региональность» (regionality) — это особый вид воображаемой географии: «региональность касается того, как люди себя рационально и эмоционально осмысливают в сложных символических ландшафтах и общественных сетях (regionality is about how people locate themselves intellectually and emotionally within complicated landscapes and networks of social relations)» [Cayton, Gray 2001: 4]. Региональная идентичность динамична. Она постепенно меняется и в течение времени меняет характер региона и его отношение к национальному государству. К тому же следует добавить, что отношения между регионом и федеральным правительством являются весьма динамичными — их можно рассматривать то союзниками, то противниками. В этой конкуренции имеется некий существенный культурно-творческий элемент, который позднее будет мною прокомментирован.

Если сравнить воображаемую географию американцев и русских, сразу заметны основательные, решающие различия. Начнем с самых основных понятий — центризм и регионализм. Они связаны с тем, как разные государства развивались, например Франция. С XV в. российская территория разрослась вокруг одной столицы. Москва постепенно побеждала другие менее мощные русские столичные города. А затем Московская Русь росла за счет того, что ее великие князья, а следом и цари включали в состав государства (аннексировали, колонизировали?) другие смежные территории, где были построены русские города с православными церквями и российским городским управлением. Таким образом, в российской географической идентичности преобладает сознание мощного центра и относительно недоразвитой периферии (можно привести карту с плотностью населения России?). Все (почти) дороги, железные дороги и рейсы ведут в Москву (карта с главными дорогами?). Подавляющее большинство ресурсов и средств массовой коммуникации страны управляются из Москвы. Относительно большой процент населения всей Российской Федерации, больше 15%, живут или в Москве, или в Московской области. Как видно по наглядному примеру жизни Евгения Гришковца, творческий талант часто покидает периферию из-за того, что «здесь [в Сибири] есть все, но нет возможности творчески работать и быть услышанным» ни в центре, ни во всем остальном мире [Стрыгина 2006].

Есть, конечно, разные символические изображения современного российского центра. С одной стороны, ультраконсерватор Александр Дугин считает, что Москва — это лицо России, сердцевина и самая сущность России [Clowes 2011: 43-45, 51]. Москва, на взгляд Дугина, полностью вправе

Российско-американский диалог

руководить всеми остальными (безликими) регионами на российской территории. С другой стороны, в сатирических произведениях поп-писателя и москвича Виктора Пелевина создается представление о Москве, как городе, который занимается только своей властью и благополучием. А как Пелевин изображает Россию в романе «Чапаев и Пустота»: для москвичей российская территория вне Москвы есть одна фантазия [Clowes 2011: 68-95]. Другие писатели и общественные деятели, например Людмила Улицкая, Татьяна Толстая, Анна Политковская и Михаил Рыклин, считают, что центр переразвит, культурно и идеологически застыл. А в своей дальнейшей исследовательской работе я задаюсь вопросом, меняется ли традиционное русское стремление к центру? Как развивается региональное самосознание — особенно в Сибири и других регионах России?

Если разбираться в американской идентичности и ее отношении к понятиям о центре и регионе, то, в отличие от русской, в ней преобладает весьма сильное, ясно очерченное региональное сознание. Тут далеко не все дороги ведут в Рим — или же, в американском случае, в Вашингтон, округ Колумбии. Вашингтон даже называют территорией «внутри кольцевой дороги», где жители лелеют преувеличенное ощущение собственного значения для остальной страны. И регионы играют бóльшую историческую роль в идентичности, чем жительство в каком-нибудь определенном штате. Эта черта имеет свои исторические корни — разные люди из разных стран и регионов мира заселили разные территории в разные времена. Так, на исходе

С. Мокроусов. АрхиТип. ТЮМЕНЬ. ЛИСТ 6. 2012

американской гражданской войны 1861-1865 гг. доминантным регионом с разных точек зрения — идеологии, политического и финансового влияния, предпринимательской энергии — оказался северо-восток, в частности и Новая Англия. По мнению С. Хантингтона, до недавнего времени «англо-протестантская культура» (Anglo-Protestant culture) из Новой Англии преобладала в Соединенных Штатах и превратила их в ведущую страну мира [Huntington 2004: xvi]. Учтем, что почти всю карьеру Хантингтон преподавал в Гарвардском университете (в Новой Англии) и лелеял достаточно предвзятое мнение на тему американской региональности и достоинства разных рас. Тем не менее он далеко не единственный, кто придерживается таких взглядов, это все более или менее прописные истины относительно американской географической идентичности.

В последнее время начались новые дебаты о региональной идентичности. В 2012 г. вышла книга Колина Вудард (Colin Woodard) «Американские нации: история одиннадцати соперничающих культур Северной Америки» (American Nations: A History of the Eleven Rival Regional Cultures of North America). Тут имеется в виду не Северная Америка, а США. По его теории, «Америка» исторически сложилась из одиннадцати культур — Новая Англия (Yankeedom), Новая Голландия (Нью-Йорк) и др. Регионы Глубокого Юга (Deep South) и регион Аппалачских гор, северная часть американского юга (Greater Appalachia), прерия (степь) и горные зоны Запада (Far West)

Ю. Бычков. ТАЙНА. 2002

проявляют достаточно враждебное отношение к центральному государству, хотя по разным причинам. Как автор предполагает, для того чтобы управлять страной, политики из 4-5 этих огромных регионов должны согласовывать свои идеологические цели, что совсем не просто. Гипотеза очень любопытная, хотя она пока далеко не полностью аргументирована.

Город играет особую роль в идентичности граждан США. В России Москва занимает особое место мегагорода, где собирается и управляется 80% всего богатства стра-

ны. В сравнении: богатство Америки распространено почти по всей стране, в частности в регионах вокруг больших городов на северо-восточном и западном побережьях. Из-за налоговых законов и последствий так называемого белого побега из больших городов в 1970-е гг. самым богатым американским городом считается не Нью-Йорк, а маленькие города в Техасе (на юге), Калифорнии, Колорадо (на горном западе), Висконсине (в середине на севере) и Миссури (в середине) [Nye 2013].

С другой стороны, в США есть выражение регионального самосознания, стремящего определить свой регион и свой главный город как пуп земли, как центр всего мира. Например, бостонцы традиционно (но с большей долей иронического юмора) смотрят на свой город как на «ось вселенной». В знаменитом шарже Сола Стейнберга из журнала «Нью-Йоркер» четко представлена любопытная точка зрения, которая одновременно и провинциальная, и централизирующая, определяющая место, где стоит зритель (на западном Манхэттене), как «где-то», а пространства между побережьями — как «нигде», как пустырь [Steinberg 1976]. Для многих Нью-Йорк считается центром мирового масштаба, хотя для других только побережные зоны США имеют значение, что явно бессмысленно. Забавно, что по этому образцу со своей точки зрения многие города всех возможных величин сделали именно такие шаржи. Региональная идентичность в Америке часто преобладает, и жители регионов гордятся своей родиной, среди таких, например, университетский город Лоуренс в штате Канзас, который является «столицей» проекта Google «Планета Земля». С другой стороны, любопытно, что никто не создал такого шаржа на столицу Вашингтон. Ясно, что в США оценка собственного статуса, как и реальный уровень зажиточности и политического влияния, значительно децентрализованы.

Любопытно, что иностранцы с трудом воспринимают сложности американской региональной идентичности. Писатель Василий Аксенов считал, что, поскольку Вашингтон — столица, значит надо там жить. На самом деле литературная культура в Вашингтоне мало развита и не отличается большой энергией и новизной, особенно по сравнению с уровнем художественной культуры в русской и европейских столицах. Нью-Йорк ближе к этому образцу, хотя многие ведущие писатели живут в других регионах. Самыми крупными примерами являются Уильям Фолкнер и Фланнери О'Коннор, которые жили всю жизнь на Дальнем Юге, Фолкнер — в штате Миссисипи, а О'Коннор — в штате Джорджия.

Каждая воображаемая география определяется символом, который указывает на самую суть идентичности. В царской России официальную идентичность символизировали три столпа: народ, православие и самодержавие. Российское государство типично справлялось с этнически нерусским населением всеобщей русификацией. Поскольку русская территория плохо снабжена естественными границами (горами, пустынями, по-

бережьями) и граничит со множеством стран, русская идентичность наделена усугубленным, исторически и геополитически сложившимся вниманием к границам. Образ границы играет существенную роль в русской воображаемой географии, особенно в направлении юга и запада, где нет тех огромных буферных зон, как на востоке. На самом деле, как утверждает философ Михаил Рыклин, русское общество является многонациональным, что он представляет как общество со многими внутренними границами [Clowes 2011: 96-119].

Об американском обществе часто говорят как о «плавильнике», где люди из всех рас и этнических групп гармонично уживаются, как металлы расплавляются в плавильнике. Любопытно, что этот образ был придуман великобританским писателем Израэлом Зангвиллем в пьесе «Плавильник» (1905) о русских эмигрантах в Нью-Йорке. Тут, в Америке, русский еврей и православная русская влюбляются и живут вместе радостно, что нельзя было бы в царской империи.

Идеал полной гармонии и гомогенности противопоставляется другим социогеографическим образам, в частности, классовых и этнических границ. В 1940 г., во время американской Великой депрессии, Вуди Гатри (Woodie Guthrie) написал песню «Эта земля — твоя земля» («This Land Is Your Land»), которая стала популярным неофициальным гимном. Припев «эта земля сотворена тебе и мне» ставится под сомнение двумя неофициальными стихами, которые передают гнев по поводу того, что на самом деле всю хорошую землю скупили богатые (банкиры) и прогнали бедных. Первоначальный вариант включает строфы, которые подчеркивают границы и стены, отделяющие богатых от бедных, особенно четко после Великой депрессии 1930-х гг. и до Второй мировой войны, как и в наши дни после так называемого великого спада 2008 г.: «As I went walking I saw a sign there/ And on the sign it said “No Trespassing.”/ But on the other side it didn't say nothing,/ That side was made for you and me.» («на прогулке я увидел вывеску/ С надписью: вход запрещен./ А на обороте — ничего/ Оборот сотворен тебе и мне»); «In the squares of the city, In the shadow of a steeple;/ By the relief office, I'd seen my people./ As they stood there hungry, I stood there asking,/ Is this land made for you and me?» («На площадях города, в тени шпиля;/ Около отдела общественного обеспечения я застал свой народ./ Пока они голодные стояли в очереди, я спросил,/ Сотворена ли эта земля тебе и мне?»). Наверное, неудивительно, что эти строфы обычно не поются, хотя в 2009 г. на торжествах вокруг инаугурации Президента Обамы пели все строфы именно для того, чтобы отметить символическое снесение таких социоэкономических стен и переступание границ экономических различий и расовой неприязни.

В XXI в. геозтнический образ границы все чаще встречается как ведущий символ американской идентичности. Идут дебаты между защитниками образа традиционного «успешного» американца (протестант по

религии, прилежный предприниматель, в основном белый мужчина) и теми, кто опровергает мнение, что эти добродетели присущи одним белым мужчинам европейского происхождения. С одной стороны, такие, как Хантингтон, считают, что Америка была построена трудолюбивыми, набожными белыми мужчинами, что явно не так. Можно даже предположить, что эта узкая, предвзятая ментальность содействует отделению богатых от остальных, постройке так называемых запертых районов («gated communities») для сравнительно зажиточных американцев.

А. Ердяков. ТЮМЕНЬ. 2003

Она способствует заметному спаду того, что Юрген Хабермас называет «public sphere» — или общественности — в американской жизни. А многие ученые, такие как Такаки в книге «Другое зеркало: История многокультурной Америки» (1993) и Рудник, Смит и Рубин в учебнике для 12 класса и первокурсников вуза «Американские идентичности» (2006), наоборот, отдают должное американцам обоего пола и всех этнических групп. Американцы любой масти, как правило, наделены трудолюбием и способствуют по-своему успеху американской жизни. По мнению этих ученых, можно понять американскую идентичность как большой строящийся проект, в котором все участвуют. И, на взгляд некоторых ученых, на самом деле изобретается новое, приходят к новации, обновляют саму Америку, именно на границах между этническими группами.

Эта мысль приводит нас к последнему аспекту воображаемой географии, а именно — характеру культуры. Если русская художественная культура главным образом развивается в столичных городах, то американская культура носит подчеркнуто региональный характер. Напряжение между центром и регионом, как известно, может привести к разрушительным последствиям,

но оно может оказаться и весьма динамичным как в творческой, так и в политической жизни страны. Региональное сознание часто побуждает граждан подвергать федеральную идеологию справедливой, заслуженной и совершенно здоровой критике, и, наоборот, федеральное сознание иногда побуждает и порой принуждает регионы осмыслить и переосмыслить ценности и идеологии. Бывает, что новейшие идеи и инициативы выходят из регионов.

Существуют разные теории о процессах культурного спада и обновления. Постколониальная теория разбирается в этом вопросе, рассуждая, что новые мощные культурные формы и голоса появляются на геокультурных границах между колонизируемым и колонизирующим населением, между эксплуататорским центром и эксплуатируемыми территориями. Русские теоретики значительно способствовали дискуссии о культурном обновлении. В сборнике статей по семиотике «Вселенная разума» (1990) Юрий Лотман сосредоточился на геополитических образах центра и периферии и превратил их в геокультурные понятия и сердцевину своего понятия о семиосфере. Если семиосфера — то культурное пространство, в котором вещи и слова подвергаются «семиозису», т. е. приобретают особое значение в сети культурных значений, тогда центр и периферия играют особую роль в производстве, сохранении и соблюдении этой системы значений. По теории Лотмана, центр — это та часть семиосферы, где оформляются и проводятся в жизнь нормы и нормативная идентичность. Со временем эта зона «костенеет» и оказывается нединамичной и не способной к дальнейшему развитию. А периферия, на взгляд Ю. Лотмана, является динамичной зоной идеологического «вызова». Тут окостенелые догмы опровергаются. В этой культурной сфере творческие средства — слова, техника, краски, звуки и пр. — пересемантизируются и обновляются.

В США, безусловно, есть вечная идея о том, что «деньги говорят», т. е. во многом богатые и корпорации определяют вкус, культурные и духовные нормы, а они часто бывают весьма консервативными или проблематичными с точки зрения гендерного или этнического равноправия. С другой стороны, геокультурные периферии в США имели и до сих пор имеют огромную жизнеспособность. Как известно, американская философия возникла в Новой Англии в XIX в. среди трансценденталистов. Музыкальные формы джаза и блюза возникли на Глубоком Юге. Традиционно скучная американская кухня сильно изменилась и улучшилась благодаря кухне разных неевропейских общин. В нынешнем поколении в северных городах, которые стали периферийными после «белого побега», возникли новые и мощные виды музыкальной поэзии — рэп-музыка и хип-хоп. Эта музыка шокирует и взрывает культурные нормы так же, как в свое время поэзия В. Маяковского шокировала русскую общественность. А лучшая американская художественная литература вышла с Дальнего Юга (Фолкнер, Фланнери О'Коннор), Среднего Запада (около Кливленда) (Тони Моррисон) и юго-запада (художник Джордж О'Киф).

Как теория Ю. Лотмана разыгралась в русской жизни последних 50-ти лет? В советской эре такой геокультурной периферией была Сибирь с развитием деревенской прозы. После чего многие из советских республик на границах бывшего Советского Союза как будто бы обновили свою политическую, экономическую и культурную жизнь, уходя из Союза. Произошло ли настоящее обновление в России? А какую роль играли российские географические периферии? Новейшие исследования показали, что прогрессивная интеллигенция в столице осознала отношения между геокультурным центром (Москва) и перифериями именно как проблему. Закончу вопросом — что думают жители регионов, в частности Сибири, по этому поводу? Стремятся ли, как говорит Евгений Гришковец, быть услышанными?

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Cayton, Andrew R. L., Susan E. Gray, eds. *The American Midwest: Essays on Regional History*. Bloomington: Indiana University Press, 2001.
2. Clowes, Edith W. *Russia on the Edge: Imagined Geographies and Post-Soviet Identity*. Ithaca. N. Y.: Cornell University Press, 2011.
3. Cobb, James C. *The Most Southern Place on Earth: The Mississippi Delta and the Roots of Regional Identity*. Oxford: Oxford University Press, 1992.
4. Concannon, Kevin, Francisco A. Lomeli, and Marc Prieue, eds. *Imagined Transnationalism: U. S. Latino/a Literature, Culture, and Identity*. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2009.
5. Frank, Thomas. *What's the Matter with Kansas? How conservatives won the heart of America*. N. Y.: A Metropolitan / OWL BOOK, 2004.
6. Huntington, Samuel P. *Who Are We? The Challenges to America's National Identity*. N. Y.: Simon and Schuster, 2004.
7. Nye, James. *Where America's rich folk live* // Daily Mail. 2013. 14 February. URL: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-2278274/Where-Americas-rich-people-live--New-York-City-Bridgeport-CT-boasts-highest-concentration-rich-people-nation.html>
8. Rudnick, Lois P., Judith E. Smith, and Rachel Lee Rubin, eds. *American Identities: An Introductory Textbook*. Oxford: Wiley-Blackwell, 2006.
9. Spiro, Peter J. *Beyond Citizenship: American Identity after Globalization*. Oxford: Oxford University Press, 2008.
10. Стрыгина М. *Одновременный дредноут современности* // Свободный курс. 2006. 6 дек. № 49. URL: <http://dlib.eastview.com.www2.lib.ku.edu:2048/browse/doc/11238774>
11. Steinberg, Saul. *View of the World from 9th Avenue* // New Yorker. 1976. 29 March. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/View_of_the_World_from_9th_Avenue
12. Takaki, Ronald. *A Different Mirror: A History of Multicultural America*. Boston: Little, Brown, 1993.
13. Woodard, Colin. *American Nations: A History of the Eleven Rival Regional Cultures of North America*. L.: Penguin, 2012.